

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

Краткие сообщения и автоаннотации

**У1 годичная научная сессия ЛО ИВ АН,
посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина
апрель 1970 года**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Главная редакция, восточной литературы

Москва 1970

IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Я.В.Васильков

"ЭПИКА" И "ДИДАКТИКА" В МАХАБХАРАТЕ

Вопрос о соотношении эпического и религиозно-дидактического элементов в Мбх — один из тех существенных вопросов, которые поставила столь бурно расцветшая было во 2-й половине прошлого века наука о Мбх, долгое время бывшая не в состоянии решить их в силу ограниченности своей методологии. Решение этой и ряда других проблем Мбх стало казаться возможным лишь после значительных сдвигов, происшедших в общей теории эпоса за последние десятилетия.

Наиболее распространенная, освященная авторитетом Хопкинса точка зрения по этому вопросу состоит в следующем: ядром Мбх было некое эпическое повествование, которое впоследствии жрецы-редакторы окутали мифологией и религиозной фантастикой, приспособив поэму для своих дидактических целей.

Попытки подтвердить этот тезис спотыкаются на том простом факте, что в Мбх не только есть целые книги с преобладанием "дидактического" элемента, но этим элементом органически проникнута вся эпопея. Сказители свободно перемежают, подчас в пределах одной песни — "главы", "повествовательные" эпизоды — описаниями аскезы, сцены битв — проповедями. "Дидактическая" терминология часто прорывается в чисто "эпических" сценах: напр., теряющую сознание от ужаса при встрече с лесным чудовищем Драупади

пятеро ее супругов поддерживают, "как чувства, направляющие страсть среди мирских объектов" (З.12.18). Эпические герои суть не только олицетворения "эпического идеала", близкого к нормам европейского эпоса, но по существу фигуры мифологические и подчас символические. Они сродни богам; известно, что им в реальности воздавался культ; в эпосе они — идеальные подвижники и проповедники. Их "богатые" эпитеты соседствуют с такими, как "стойкий в обетах", "богатый подвижническим рвением", "радеющий о единой дхарме" и т.п. Весь текст поэмы есть такой неразрывный сплав привычной нам "чистой эпики" с мифологией и нравственными поучениями, что попытка вычленивать "интерполяции" привела бы лишь к разрушению художественной ткани поэмы. Неудивительно; что ни одному из многочисленных "аналитиков" такая попытка и не удалась.

Сами же индийцы за тысячи лет бытования Мбх всегда видели в ней единое целое. И не потому лишь, что редакторские усилия придали ей в конечном счете идейное единство (как считают Суктханкар, В.Лизани, у нас — П.А. Гринцер). В самом тексте Мбх много свидетельств того, что ее творцы, народные сказители, не дифференцировали "этику" и "дидактику", считали их элементами одного репертуара. Об одном певце, например, сказано, что он "знает дивные сказания...о богах и асурах,...всяческие рассказы о людях, змеях и гандхарвах,...он учитель в области шастр и Араньяки" (Адипарва, 4.1-7). В тексте рассыпаны упоминания и ссылки на веды, пураны и другие памятники устной религиозной литературы, а сама Мбх называется "пятой ведой" и часто — пураной. О сказителях говорится, что они "всеведущи" и могут говорить на любую тему. Перед нами особый тип сказителя, отличный от певца воинских былей или "репсоды", обладающий более богатым репертуаром. Возможно, предшественником его был синкретический певец-прорицатель (ср. узб. "бахши" — 1. сказитель, 2. знахарь, шаман); кстати, ведические рishi были певцами этого типа; а ведь фрагменты "архаического эпоса" о борьбе богов с силами хаоса, образующие древнейший пласт сказаний Мбх, сюжетно близки ряду мест из ведической поэзии... Материалы Мбх дают основание отметить и наличие тяги к "специализации": брахманы поют чаще "архаический эпос" или "дидактические" песни; кшатрии предпочитают воспевать воинские подвиги. Однако, эта дифференциация так и не была доведена до конца.

Еще Хельд, волею за осмеянным "аналитиками" Дальманном, говорил о Мбх, что "религиозный" элемент изначально составляет существенную часть ее содержания. Эмено видел в поэме слияние по меньшей мере трех поэтических жанров и предполагал, что каждый сказитель мог использовать все соответствующие виды поэтической техники. По нашему мнению, "эпические", "дидактические" и другие элементы соотносятся в Мбх как текучие, нестабильные группы устно-поэтических "тем" (о содержании термина см. в кн. A.Lord. *The Singer of Tales*. Cambr., Mass., 1960, pp.68, 198).

В индийском эпосе мы видим известную нерасчлененность идеологических форм. Подходя к нему с "европоцентрической" моделью героического и светского эпоса, естественно не увидеть ничего, кроме противоестественного смещения жанров. Этот взгляд на Мбх оказался вполне приемлемым для вульгарно-материалистического по своей философской основе направления, утверждающего первичность "эпического повествования" по отношению к "реческой выдумке" - мифологии. Мы считаем мифологию синкретической идеологией первобытного общества, началом развития всех идеологических форм. Чем быстрее развивается общество - тем интенсивней дифференциация. Причина слабой дифференцированности идеологических форм в эпический период индийской культуры, возможно, кроется в социально-экономическом консерватизме индийского общества.

Главное, пожалуй, почему Мбх отказывают в архайчности и фольклорности - это ее отчасти символический характер. Однако, по нашему мнению, в силу указанных выше причин, миф подчас (не как правило) переходит в религиозный символ, не покидая рамок древнеиндийской устно-поэтической традиции.

Еще недавно индийская религия и философия подгонялись под европеоцентристскую мерку. Теперь известно, насколько индийские материалы обогатили и историю философии, и религиоведение. Надо полагать, что вовлечение Мбх в круг сравнительных исследований эпического фольклора может внести не менее ценный вклад в наши знания об эпической поэзии, ее "жанрах", "нормах" и "идеалах".